

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №2 ГАЗЕТА

Дмитрий Поляков-Катин / Берлинская жара

«Когда текст серьезнее литературы...»

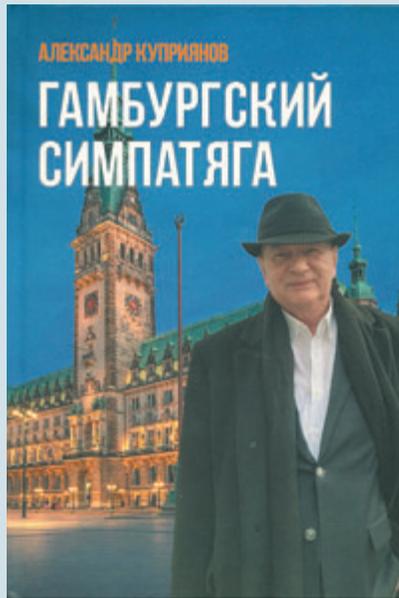
Есть книги, которые невозможно поставить в ряд с другими. Дело не в качестве. И не в жанре. Так бывает, когда перед нами что-то совсем особенное, шуточное, единственное в своем роде. Это о книге «Гамбургский симпатяга»

Сам автор — Александр Куприянов — определил ее жанр как «живые камушки калейдоскопа». И это, пожалуй, точнее всего. Потому что ни мемуары, ни эссеистика, ни что-либо еще для обозначения характера этого произведения не подойдут, а лишь введут в заблуждение.

Ведь вот, казалось бы, вполне автобиографичный, на первый взгляд, текст, персонажи в нем реальные, со своими именами, и воспоминания вполне подробные, с документальными подтверждениями. Но быстро становится понятно: никакие это не мемуары. Нет здесь связного повествования с последовательными жизненными веками: родился, учился, женился, создал, добился... Логика тут совсем другая. При этом сюжет жизнеописания то и дело растворяется в самоиронии, а временами — в мистике и творческой фантазии. Так что подспорьем для историка, что должно быть свойственно настоящему мемуарам, эти воспоминания служить вряд ли смогут. Нет, не мемуары.

Да и любой другой классический жанр оказывается тесен для этого сочинения. А вот метод калейдоскопа, изобретенный автором, как раз впору: «Картинка быстро меняется, но цветные камушки цепляются друг за друга и образуют новую картинку. Автор иногда ходит по кругу, неизменно возвращаясь к какому-то своему, внутреннему, сюжету». Вот что это такое.

Читать увлекательно, потому что повороты событий и рассуждений неожиданны, ассоциации порой причудливы, персонажи то исчезают, то вновь внезапно появляются, некоторые ситуации и мысли не

раз повторяются в новом контексте. Но беспорядочность тут только кажущаяся. На самом деле — виртуозная работа. Об этом можно судить по результату. По эффекту, который рождает книга.

Это действительно больше, чем книга, потому что это не произведение человека — а сам человек, это не рассказ о жизни — а кусок живой жизни.

Когда читаешь «Гамбургского симпатягу», то погружаешься в жизнь ее автора, и она, эта жизнь, в каком-то смысле становится твоей. Ее уже не забудешь, она становится для тебя пережитой лично.

И самое для меня удивительное: яркая, в чем-то противоречивая личность Александра Куприянова становится, на мой взгляд, абсолютно тождественна его книге и получает свою жизнь, отдельную от реального Купера, как его часто называют. Читаешь книгу — и как будто вживую общаешься с ним самим, слышишь его откровения, шутки, сомнения. Вот почему эта книга больше, чем книга. Потому что она — жизнь, она — живой человек. Как это получилось, никто, конечно, сказать не сможет — на-

стоящее творчество таинственно. И в самой книге немало таких вопросов, которые можно только задавать, не надеясь на исчерпывающий ответ. Эти вопросы рождались у автора, сопровождали его всю жизнь, и для читателя они становятся настолько же близкими, насколько и неразрешимыми. Вот, например, почти случайная и довольно обидная фраза, которую обронил когда-то лучший друг: «Да ты, парень, никого не любил!» Она не раз повторяется в книге, как и в жизни. И дело не в том, справедлива ли она хоть отчасти, и не в том, что конкретно имелось в виду. Не спор она вызывает, но другой, самый главный вопрос: а что же такое любовь? Он не звучит напрямую в книге, но совершенно очевиден.

Так же, как другие вопросы такого же рода и масштаба, которые сами собой появляются в книге, то есть в жизни автора, а это — одно и то же. Что такое литература? Кого можно назвать писателем? Кого признать другом? Что считать успехом в жизни, в творчестве? Кто мы? Что с нами будет? Как жить, чтобы быть живым? И это как раз тот случай, когда вопросы важнее ответов. Когда текст серьезнее литературы. А жизнь и личность больше земных сроков.

Валерий КОНОВАЛОВ

ДОСЬЕ: Александр Куприянов — «Легенда российской журналистики», заслуженный работник культуры РФ, «Медиа-менеджер России», писатель. Автор художественных книг, в их числе роман «Жук золотой», повести «Екарный бабай», «Ангел мой», «Флейта крысолова», «Не мой день», «О! Как ты дерзок, Автандил!». Роман «Таймери» признан «Прозой года», кинороман «Надея», стал лауреатом премии «Золотой Дельвиг», а кинороман «Истопник» — лауреат шести литературных премий, в том числе международной премии Terra Incognita Awards («Терра Инкогнита Эвордс»). Автор «Роман-газеты».

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №2 /1943/ Основана в 1927 г.

Дмитрий Поляков-Катин

Берлинская жара

Роман

Берлин, Нойкельн,
14 июля, 18.40

Последний раз они выходили в эфир шесть дней назад. Поскольку Ханнелора работала в госпитале практически без выходных, а иногда и круглосуточно, передатчик старались размещать где-нибудь поблизости, чтобы она могла, незаметно отлучившись, быстро выполнить свою работу и вернуться обратно. На самом деле это было плохо, так как следовало менять не только графики выхода в эфир, частоты и позывные, но также месторасположение. И успокаивало только то, что ее госпиталь находился внутри густонаселенных кварталов с запутанной сетью переулков и, значит, службе радиопеленгации выйти на них, по крайней мере физически, было довольно проблематично.

На сей раз Оле выбрал для сеанса чердак полупустого дома возле церкви, в которой как раз в это время должна была идти служба. Проникнуть из заброшенного сада в выселенное крыло дома можно было легко и совершенно незаметно. Кроме того, из чердачного помещения открывался круговой вид на площадь и прилегающие к ней переулки.

— Тебе надо уложиться в десять минут, — сказал Оле, выставив рацию на стол.

Ханнелора еле держалась на ногах: за сутки в ее палате один за другим скончались трое тяжелораненых, которых она пыталась выходить, — два солдата и один подросток.

— Ты же знаешь, — девушка обессиленно присела за стол, — я даю не больше ста знаков в минуту, а здесь, посмотри, как много.

— Что делать, милая, что делать? — Оле впился глазами в окрестности. — Нас не вычислили до сих пор только потому, что не успели. Десять минут.

Ханнелора нервно выдохнула, отбросила светлую прядь с лица и надела наушники. Щеки покрыл возбужденный румянец. Она отчетливо понимала: как только ее палец ляжет на головку ключа, она сразу же попадет в поле зрения подразделения радиоперехвата контрразведки, если где-нибудь поблизости окажется мобильный пеленгатор.

Окончание. Начало см. в № 1 за 2024 г.

— Потерпи, — ободрил ее Оле, — скоро пришлют нового радиста. Тогда отдохнешь.

— Уже полгода ждем.

— Ну, тут все-таки не Рига, а Берлин. После всего, что случилось, сюда не очень-то просто попасть. Но пришлют, вот увидишь. Не можем же мы вечно долбить самодельными кодами.

А случилось то, что в конце прошлого года была окончательно разбита агентурная сеть Треппера, именуемая в СС «Красной капеллой» из-за множества работающих на Советский Союз передатчиков. Аресты не прекращались до последнего времени. Гесслиц, конечно, контактировал с Лео Треппером, но не напрямую, его группа все-таки работала автономно, и это дало им шанс избежать внимания со стороны гестапо. На какое-то время пришлось прижать уши. Однако так или иначе, а радиосвязь с Центром необходимо было поддерживать. Поэтому через номерную станцию Гесслицу передали, что по мере надобности он может радировать, используя более простой двузначный шифр. Разумеется, это была вынужденная, временная мера. Но, чтобы заслать в Берлин профессионального радиста, который мог работать со сложными шифрами, требовалось время: надо было разработать новые коды, подготовить легенду, забрасывать радиста в рейх окольными путями. И Ханнелора, и Дундерс понимали это, и если ворчали, то без задней мысли. Однако и степень риска была для них очевидной.

Она уложила в двенадцать минут. С последним щелчком ключа Оле быстро выключил станцию, убрал ее в чемодан и запихнул в кучу бытового мусора, переполнявшего чердак, намереваясь забрать ее позже. Затем они сбежали вниз и спокойным шагом вышли наружу. Оле подождал, пока Ханнелора скрылась за углом, и только тогда удалился сам.

Через пару минут на мощеной площади перед церковью, заполненной прихожанами и повозками, груженными вещами для потерявших кров жителей, появились двое неприметно одетых мужчин с небольшими саквояжами через плечо, из которых к уху тянулся тонкий провод. Это были сотрудники «Разведывательной связи вермахта», и в саквояжах у них помещались коротковолновые пеленгаторы со встроенной антенной.

Покружив по площади, они подошли друг к другу и, вынув из ушей наушники, закурили. Затем один из них махнул рукой группе застывших в переулке автоматчиков, что они могут быть свободны. В очередной раз радиосигнал в Нойкельне прервался до того, как транспортеры смогли определить точку пересечения, в которой находился «пианист».

В это же время в двух кварталах от площади в фургоне стоявшего на обочине грузовика «опель

блиц» с кольцевой антенной на крыше пожилой гауптман тоже снял наушники и захлопнул планшет.

— Всё, — сказал он, — отыграли. Занавес. Можем ехать домой — жрать морковные котлеты и пить пиво.

— Подожди, — осадил его пухлый обер-лейтенант в очках с толстыми линзами. — Надо проверить, как записалось.

— Да хорошо записалось, — потянулся гауптман. — Это уже какой, шестой раз? По-моему, дешифровщикам будет достаточно.

— По-моему, тоже, — согласился обер-лейтенант. — Они в последнее время что-то зачестили.

— И не забудь про донесение Шольцу. Отдельно, лично, с голубым бантиком. Этот три шкуры спустит, если не проявить служебного рвения. А уж потом — дешифровальщикам. Эй, Конни, — крикнул гауптман водителю, — поезжай! Ребят подберут соседи.

Грузовик сдвинулся с места и медленно покатил прочь.

**Потсдам, Бабельсберг,
15 июля**

По просьбе Гесслица Курт Хайке, старый приятель, давно обосновавшийся в отделе крипо V Wi (экономические преступления), без лишней огласки попытался узнать, нет ли у них какой информации об Освальде Маре из университета во Фрайбурге, на которого указал Кестнер. Гесслицу стало известно, что из кабинетного философа Маре загадочным образом превратился в коммерсанта, причастного к поставкам тонкого оборудования для научных организаций.

Покопавшись в архивах, Хайке наткнулся на любопытный факт: имя Маре всплыло в контексте знаменитой аферы Франца Рехлинга, главы концерна «Рехлинг Штальверке», который еще в 40-м, по тайному соглашению с «Дженерал моторс», через Швецию гнал в США продукцию, произведенную на его предприятиях в ущерб военным заказам. Дошло до того, что Рехлинг вознамерился передать американцам стоковый филиал Штутгартского концерна, пустив все расчеты через шведский банк: причем валютная выручка оседала на его личных счетах в Цюрихе. Именно там его взяли сотрудники службы безопасности. В результате Рехлинг и еще четверо участников сделки были помещены в концлагерь. Потом началась восточная кампания, и про него все намертво позабыли. Но только не в сыске.

Хайке спустил очки на кончик носа и разложил перед Гесслицем несколько фотографий.

— Вот смотри, — сказал он, пуская вверх клубы дыма от трубочного табака. — Это — Рехлинг. Это — шеф «Дженерал моторс» Дэвид Муни. Это — Валленберги: через их банковский дом осуществлялись основные расчеты с американцами. А вот это, — Хайке постучал мундштуком трубки по фотографии прилизанного господина в круглых очках, — Джон Фостер Даллес, глава адвокатской конторы «Салли-вэн энд Кромвелл», которая обеспечивала юридическое сопровождение сделки Рехлинга. — Он вздохнул. — Тогда это было не важно. Но сегодня — на это бы стоило обратить внимание.

— На что? — не понял Гесслиц.

— А вот на что. — Хайке положил трубку на край пепельницы. — Джон Фостер Даллес является старшим братом Аллена Даллеса, который, если я не ошибаюсь, с недавних пор руководит звеном Управления стратегических служб США в Швейцарии.

— Черт побери! — вырвалось у Гесслица.

— Вот именно. Нужного тебе Освальда Маре тогда привлекли лишь в качестве свидетеля, но... — Маленькие глазки Хайке пытливо уставились на Гесслица из-под мохнатых бровей. — Но именно он отвечал за юридическую чистоту сделки. И именно он вел все дела с мистером Даллесом. Не-по-средствен-но.

— Философ-то?

— По второму образованию, Маре — правовед. Юрист высшей категории. На месте гестапо я бы почаще рылся в архивах. — Хайке сгреб фотографии и убрал их в папку. — Не знаю, Вилли, зачем тебе это нужно, но с этой минуты лично я обо всем этом забыл.

— Позволь, я полистаю дело еще немного.

Рано утром в своем бабельсбергском доме Освальд Маре мирно завтракал в обществе пышногрудой блондинки из партийной газеты «Ангриф», с которой два дня назад познакомился в метро. Блондинка размазала по ломтю подсушенного хлеба сливочное масло, нанесла на него плотный слой яблочного джема, сверху положила полоску сыра, затем — солидный кусок ветчины и несколько оливок, накрыла все это вторым ломтиком хлеба и с наслаждением вгрызлась в пухлый сэндвич.

— Снабжение у нас — ни к черту, даром что партийный листок, — пожаловалась она сквозь набитый рот. — Одни консервы, да и то, что дают, — по карточкам. Зарплаты левые. Но Геббельс требует держать моральный дух. А откуда ему взяться, когда все время жрать хочется? — Кусок застрял у нее в горле, но, помучившись, она справилась. — Я ведь из хорошей юнкерской семьи. Мы были богаты, пока не началась эта война. Отец разорился на поставках сви-

нины и пустил себе пулю в лоб, чтоб ему пусто было. Слава богу, что я успела зацепиться за НСДАП, а то бы месила грязь на семейной ферме без продыху. Там теперь, говорят, не то бордель, не то госпиталь. Не знаю.

Украшенная перстнем с крупным темно-синим сапфиром рука Маре нырнула ей под грудь и слегка взвесила ее.

— А так и не скажешь, чтобы ты нуждалась в усиленном питании.

— Все так думают, — самодовольно усмехнулась она и выгнула спину, чтобы выставить грудь подальше. — Если бы не эти булки, я бы давно уже драила полы в офицерской столовой где-нибудь в предместье. Мужчинам нравится, когда рядом с ними есть что-то теплое, мягкое, что так и тянет погладить. Ха! Или носом воткнуться.

Шаркая подошвами по паркету, в столовую вошел старый слуга и вместе с газетами положил на стол конверт без адреса.

— Почта, господин Маре. Я нашел это на полу в прихожей.

Маре удивленно вскинул брови. Он недоуменно повертел конверт в руке и распечатал его. Чашка дымящегося кофе повисла в воздухе.

Факты, вытащенные на свет неизвестным адресантом, не оставили Маре иного выбора, как через полтора часа быть в уличном ресторанчике пансион «Длинный хвост» на соседней Ваттерштрассе. Подробности дела Рехлинга, на которые в свое время не обратили серьезного внимания, в нынешней реальности легко могли привести его в застенки гестапо. Вместе с тем Маре понимал, что скорее всего предстоит торг. Маловероятно, чтобы кто-то из органов безопасности таким вот образом, за чашкой кофе, предложил ему обсудить столь пикантную тему. Маре боялся. Боялся всех. Ему постоянно казалось, что сокрушительный удар будет нанесен самым неожиданным образом. Он не верил никому и готов был сдать все и вся в любом направлении, если бы это избавило его от беспросветного страха.

Чистенький, уютный пансион «Длинный хвост» утопал в зелени, и даже стены дома вплоть до третьего этажа были покрыты густым плющом. Очевидно, хозяева очень любили азалии — эти цветы были повсюду: в саду, в палисаднике, на окнах и даже в вазах на столиках открытого кафе. Маре заказал у престарелой хозяйки, которая в своем лице совмещала и портье, и горничную, и официантку, чашку кофе и уселся в тени увитой хмелем терраски. Свежее утреннее солнце мягко освещало безлюдную улочку, лениво ползущую между рядов аккуратных, добротных, ухоженных особняков, отделенных от внешнего мира лишь низкой живой оградой.

Хартман появился спустя десять минут после назначенного срока: Оле должен был убедиться, что рядом с Маре нет посторонних глаз. Излучая доброжелательность, хотя и не представившись, он извинился за опоздание и сел напротив.

— Очень любезно было назначить мне встречу возле моего дома, — попытался пошутить Маре, но улыбка получилась вымученной.

— А что, здесь тихо, спокойно. Да и не хотелось, по правде сказать, вас утруждать, — подхватил Хартман. — Тем более что дело у нас с вами либо быстрое, либо — никакого.

Улыбка спрыгнула с лица Маре. Он поджал губы:

— Что вы от меня хотите?

Хартман закурил. Хватило десяти минут, чтобы обрисовать Маре его положение таким, каким оно могло стать, попади факты былого сотрудничества с братом Даллеса в досье контрразведки. Впрочем, Маре и сам это отлично понимал и не строил иллюзий насчет своей участи, если бы такое случилось.

— Все это останется нашей маленькой тайной только в одном случае, — поморщившись, заключил Хартман: он ненавидел шантаж, лучшее оружие разведчика — но что было делать? — Нам известны ваши близкие отношения с некоторыми физиками, которые причастны к урановой программе.

— Откуда вы это знаете? — спросил Маре.

Хартман остановил на нем тяжелый взгляд:

— Знаем. И то, что вы вместе учились во Фрайбургском университете. И что дружите до сих пор. Что общаетесь. Назвать фамилии?

Маре отрицательно мотнул головой.

— Вот и ладно. Тем более что из-за бомбардировок гамбургскую лабораторию по обогащению урана, как нам известно, перевели во Фрайбург, где работают ваши друзья. Короче говоря, нас интересует только этот аспект вашей жизни. Вам ясно? А это, — он достал записную книжку, вырвал из нее испсанную страницу и протянул ее Маре, — перечень интересующих нас вопросов. Мы не настаиваем на том, чтобы вы нашли ответы на каждый из них. Я понимаю, это невозможно. Но мы будем признательны, если вам удастся прояснить хотя бы некоторые.

Из дома выкатилась круглая, бойкая старушка в белом переднике и таком же белом, старомодном чепце.

— Что пожелаете, мой господин? — ласково поинтересовалась она у Хартмана.

— Доброго вам утра, милая фрау, — улыбнулся он и снял со спинки стула шляпу. — В другой раз.

Хартман оставил Маре с тяжелым чувством звяря, угодившего в капкан.

Заранее договорились, что Хартман пройдет мимо машины Оле и свернет во второй переулок на-

право. Убедившись, что всё тихо, Оле двинется следом и подхватит его. Улица была абсолютно пуста. На обочине стояли несколько автомобилей и старая прогулочная коляска. Хартман миновал Оле и не спеша направился к нужному переулку. Когда он поравнялся с серым «Мерседесом», припаркованным сразу за повозкой, задняя дверца внезапно распахнулась, преградив ему дорогу. Одновременно из ворот пансиона выскочил молодой парень, быстрым шагом подошел к Хартману и молча встал рядом, отрезав ему возможность отойти. Сидевший на заднем сиденье человек, пригнувшись, выглянул из машины и тихо сказал:

— Садитесь. Нам есть о чем поговорить.

Оле видел, что Хартман остановился, видел, как к нему подлетел неизвестный. Разглядеть подробно, что происходит, мешала коляска. Стараясь не спешить, Оле повел свой «Опель» мимо нее. Поравнявшись с «Мерседесом», он мгновенно оценил сложившуюся ситуацию: двое; стоящий рядом с Франсом парень вооружен; навряд ли гестапо — те парами на операцию не ходят. Ускорившись, его «Опель» обошел «Мерседес» и резко затормозил в пяти метрах перед ним. Оле открыл дверцу, не спеша вылез из машины и замер возле водительского места, зажав под мышкой МП-40.

Человек в «Мерседесе» внимательно посмотрел в его сторону и ухмыльнулся:

— А вы не похожи на гестаповцев, парни.

Из машины, кряхтя, вылез невзрачного вида господин лет сорока пяти, сутулый, приземистый, с глубокими залысинами на голове, усики подкрашены, одетый как коммивояжер, в широкие мятые брюки и просторный пиджак с хлястиком, и сразу надел шляпу.

— Пройдемся? — предложил он.

— Ну что же, — согласился Франс, — давайте.

Незнакомец приказал своему товарищу остаться возле машины, и они с Хартманом медленно пошли вдоль зеленой ограды по усыпанной рыжей щебенкой дорожке.

— Говорят, в жизни всё неспроста, — сказал незнакомец. — Прошлой ночью мне снилось, что я продаю помидоры на рынке в Каннах. А ведь я терпеть не могу помидоры. И никогда не бывал в Каннах. А сегодня мне приснился петух, который пропел «Марсельезу». К чему бы это?

— Вы считаете меня французом? — с иронией спросил Хартман.

— Ни в коем случае. Для француза вы слишком серьезны. К тому же сегодняшние французы не способны драться. И это, увы, диагноз. Скорее всего вы — немец с примесью итальянской крови. Или русский — у них там всего намешано.

— Забавно.

— Да, забавно. — Он посмотрел в записку, которую сунул ему его товарищ. Это была страничка из блокнота Хартмана, переданная им Маре. — Впрочем, это не столь важно, не правда ли, какой мы национальности? Значение имеет только стойло, в которое мы рано или поздно возвращаемся.

— Или — не возвращаемся.

Незнакомец бросил на него колючий взгляд светло-серых глаз, похожих на козы.

— Да, или не возвращаемся... Так что же означать мой сон, как вы думаете?

— Возможно, вас взволновали не Канны и не помидоры, а факт торговли. Жаль только, что вы не рассмотрели, много ли вам удалось заработать на этом рынке? Петух помешал?

Из груди незнакомца вырвался удовлетворенный смех.

— В странном мире мы с вами живем, — сказал он, помолчав. — Правда скрыта под паранджой скептицизма. Последним политиком, которому можно верить, был Иисус Христос. Все остальные только и делали, что состязались в лукавстве, стараясь раскопать друг в друге второе дно.

— Надо понимать, Освальд Маре — ваш человек? — решительно прервал его Хартман.

— Скажем так, друг. Просто друг. Старый товарищ.

— В таком случае пространство для нашей беседы сжимается, как шагреновая кожа.

— Почему же? Судя по этому тексту, — он вернул страничку Хартману, — мы с вами хотим дотянуться до одной и той же морковки. Отчего бы не объединить усилия? Кем бы вы ни были, но в главном, очевидно, мы пока союзники... Как к вам обращаться?

— Раз я, по-вашему, похож на русского, зовите Иваном.

— Ну, а я буду Жан, если позволите. Жан, Иван — это же одно и то же.

— А вы уверены, что морковки хватит для двоих?

Жан остановился, достал из кармана очки, протер стекла, надел их и взглянул в лицо Хартману:

— Пока нацисты полируют урановую бомбу, мы все жуем ботву. Вот дотянемся, тогда и посмотрим.

— Вполне разумный подход.

— Если Гитлер получит это оружие, — Жан ткнул пальцем в записку в руке Хартмана, — он применит его не задумываясь, и тогда все разногласия между союзниками антинацистского фланга лопнут, как мыльный пузырь. Когда загорается дом, все кидаются тушить пожар и только потом принимаются делить то, что удалось спасти.

— В таком случае я возвращаю вам это. — Хартман протянул Жану список вопросов, адресованных Маре.

Поколебавшись, тот взял страничку и сунул ее в карман.

— Заметьте, — сказал он, — я не спрашиваю, из какого вы стойла.

— Заметьте, я — тоже.

После недолгой паузы Жан сказал:

— У вас хорошие информаторы.

Хартман промолчал. Жан пожевал губами и добавил:

— Надо договориться о безопасной связи.

— Обсудим это, — сказал Хартман, поворачивая обратно. — Со своей стороны я попытаюсь адекватно удовлетворить ваш интерес — в пределах возможного, разумеется.

— И допустимого? Согласитесь, Иван, в снах все-таки таится какая-то истина. Время — торговать и время — покупать.

— Не богохульствуйте, в Священном Писании об этом говорится иначе.

— А вы до сих пор верите Священному Писанию?

— Конечно. Такие, как Гитлер, не оставляют другого выбора. А вы, я так понимаю, не верите?

Жан устал на него свои козы глаза:

— Я мучаюсь. Зло бывает злым и зло бывает добрым — здесь корень моих сомнений. Гитлер, Сталин, Черчилль, Муссолини, Франко, Рузвельт — я не знаю, где тут Божественный Промысел? Мы живем в такое время, когда дело важнее человеческой морали. Да что там морали — самой жизни. Хорошо ли это? Правильно ли? Не пора ли задуматься о том, что, убивая человека, мы убиваем Бога, живущего в нем? И что в итоге остается — дело? А человека — нет.

— Когда, потушив пожар, мы будем делить то, что удалось спасти, вспомните свои слова, — заметил Хартман и взглянул на часы. — Однако, если мы продолжим теологический спор, конца нашей беседе не будет.

На прощание Жан неожиданно, вне видимой связи, сказал:

— Шансы, Иван, есть у того, кто живет с предчувствием новой войны уже тогда, когда еще не закончилась старая. К великому сожалению...

Оле и Хартман не проронили ни слова, пока не выехали за пределы Бабельсберга.

— Кто это? — спросил наконец Оле.

Хартман вынул платок и протер взмокший лоб.

— Полагаю, американцы, — ответил он, затянувшись сигаретой. — Маре завербовали еще в сороковых в связи с Рехлингом. Гестапо его профукало.

— А может, это и было гестапо.

— Не похоже. Какой смысл устраивать лишнюю возню, когда можно просто арестовать и получить все, что тебе нужно?.. Нет, вероятнее всего, это УСС.

Берлин,
15 июля

— Даже если Готу удастся переломить ситуацию и начать контрнаступление, в чем лично я очень сомневаюсь, стратегическая инициатива нами утрачена и вряд ли получится ее вернуть.

— В Рейхсканцелярии придерживаются иной точки зрения.

— Вы просили, чтобы я высказал собственное мнение, рейхсфюрер. Я его высказал.

— Благодарю. Я ценю вашу откровенность.

— Между *прохладно* и *дует* — заметная разница. Вчера было прохладно, а сегодня уже сильно дует.

— Оставьте. Оставьте это. Ваши метафоры неуместны. В нашем деле надо придерживаться спокойного слога официального документа — кто? куда? с какой целью? Не надо выражать свою мысль афоризмами в духе еврейских комиков.

Сидевшие на заднем сиденье Гиммлер и Шелленберг были отделены от водителя рейхсфюрера Лукаса и телохранителя Кирмайера звуконепропускаемым стеклом. «Мерседес» рейхсфюрера мчался в аэропорт Темпельхоф, откуда они должны были лететь в Восточную Пруссию, где неподалеку от Растенбурга, в главной ставке фюрера «Волчье логово», было запланировано экстренное совещание высшего командного состава вермахта, служб безопасности и профильных ведомств, посвященное недавним событиям на Курском выступе.

— Вам не кажется, что русские надорвутся под Прохоровкой? Их потери в технике и личном составе несопоставимы с нашими.

— Поверьте, как и всем немцам, мне бы этого очень хотелось. — Глаза Шелленберга подернулись дымкой сомнения. — Если бы Прохоровка пришлась на этап блицкрига, я был бы уверен, что так оно и будет. Но блицкриг похоронен... Растерянность прошла, русские взяли за голову, и сегодня мы имеем совсем другого противника, нежели два года назад. Они перестроили промышленность, их резервы мобилизованы. Одному Богу известно, на какие жертвы они могут еще пойти.

— Это не геройство. Это тупой фанатизм.

— И тем не менее. — Шелленберг сокрушенно вздохнул. — Когда ведомое животным инстинктом стадо буйволов несется кому-то в лоб, невольно приходится с этим считаться.

— А вы, оказывается, пессимист.

— В отдельных случаях порция доброго пессимизма могла бы стать для нас спасительным лекарством. — Шелленберг лукаво улыбнулся. — Но Геббельсу я бы такого не прописал. Он всегда знает, что говорит, но не всегда понимает, что делает.

Гиммлер тихонько засмеялся:

— А фюреру? Фюреру прописали бы?

— Зачем? Фюрер не нуждается в сентенциях, порождающих сомнения. Потому он и фюрер.

— О, ужас! — встрепнулся Гиммлер, всматриваясь в окно. — Вы видели? Там стояло здание старейшей библиотеки Берлина. Разбомбили! Поистине, варварству британцев нет предела! И они называют себя цивилизованными людьми? Какая потеря для европейской культуры!

Шелленберг скорбно нахмурил брови. Оправившись от потрясения, Гиммлер заметил:

— В одном вы правы: требуется пересмотр стратегии. Как бы я ни верил Готу, Моделю или Манштейну, в ситуации, когда пять дней назад англосаксы высадились в Сицилии, мы вплотную подошли к войне на два фронта. Муссолини не удержит власть. Нужен пересмотр стратегии.

— В том числе и нашей стратегии, рейхсфюрер. — По заинтересованному молчанию Гиммлера Шелленберг понял, что ступил на твердую почву. — Вы поступили прозорливо, взяв урановый проект под контроль СС. Уверенно могу сказать, что сегодня Германия лидирует в конструировании бомбы. Как показывают наши источники, в Лос-Аламосе разброд и шатание. Слишком много великих умов сошлись в одном месте. Им трудно договориться. Через утечки мы подбрасываем туда всё новые темы, ведущие в тупик, которые они вынуждены проверять, теряя деньги и, самое главное, время. Они настолько убеждены в зависимости наших циклотронов от тяжелой воды, что решили не успокаиваться на февральской диверсии в Веморке и приступили к подготовке атак на заводы «Норск-гидро» с воздуха.

— Это нам дорого обходится, — буркнул Гиммлер.

— Такова плата за технологический прорыв.

И речь не только о замене тяжелой воды на сверхчистые графитовые стержни в качестве замедлителя нейтронов. Речь о форсированной переориентации теоретической физики на целенаправленную разработку уранового оружия. Здесь очень важно занять наших врагов фундаментальными вопросами, чтобы получить временной зазор, который позволит нам сделать бомбу первыми. О русских я даже не думаю. Сталин погряз в заботах о войне и в этом смысле не может составить нам конкуренцию.

— Шелленберг, вы мне это уже говорили. Да я и сам знаю. — Гиммлер снял очки и принялся их протирать. — Отвлекающий маневр с гидрокомбинатом в Вермоке проводится квалифицированно, чисто. Союзники верят, что нам необходима норвежская тяжелая вода. Вам не обязательно напрашиваться на комплимент.

— Нет-нет, я не претендую на лавры. И я не случайно акцентировал внимание на нашей стратегии, то есть на стратегии СС и лично вашей, рейхсфюрер.

— А разве стратегия СС может отличаться от стратегии рейха?

Шелленберг почувствовал, что лед под ногами дал трещину.

— Я бы сформулировал вопрос иначе: может ли стратегия СС стать стратегией рейха? — осторожно выпутался он, помня об *idee fixe*¹ Гиммлера. — Надеюсь, это риторический вопрос. Вы и без меня знаете, сколько крутится возле фюрера желающих возглавить процесс. Но если интересы СС поставить во главу угла, а это ваши интересы, то вполне может стать, что идея национал-социализма обретет новую энергию. Ведь, по сути, СС — это и есть рейх.

— Не знаю... — изобразил простодушие Гиммлер. — Если сверхоружие будет создано, все решится само собой, не так ли?

Шелленберг сел поудобнее.

— Дело в том, что период работы над бомбой — год. Что будет за год при таком развитии событий — неизвестно. Вам надо проявить решимость, действовать на опережение и, получив мир на западных границах, взять власть в рейхе. Но — уже с урановым оружием. Они не хотят говорить с СС? Они будут говорить с бомбой. Пройдет время — и мы поставим точку в этой истории.

— Нам, — тихо сказал Гиммлер.

— Простите? — не понял Шелленберг.

— *Нам* надо проявить решимость. А если точнее, — палец рейхсфюрера уперся в его плечо, — *вам*.

— Конечно, рейхсфюрер, именно это я имел в виду. — Шелленберг отлично понимал, кто станет козлом отпущения, в случае если о контактах с англосаксами станет известно фюреру или кому-то из его окружения. Тогда объяснить их необходимость смог бы только сам Гиммлер, санкции которого он добивался. Сейчас он осознал, по какому лезвию ему предстоит пройти, чтобы рейхсфюрер не утратил интереса к его судьбе. Будучи прирожденным стратегом, он тонко чувствовал конъюнктуру и шел на риск с просчитанной уверенностью в том, что это единственный способ сохранить себе жизнь в перспективе неизбежного разгрома нацистского государства. Спасти вместе с Гиммлером, взойдя на вершину пирамиды, или спастись самому — Шелленберга устраивали оба сценария, но второй был опасен втрое.

— А что вас, собственно говоря, смущает? — с той же показной наивностью спросил Гиммлер.

— Время, рейхсфюрер, только время, — вздохнул Шелленберг. — Теперь оно не работает на нас. Через месяц мы сами убедимся, каких успехов достигли наши физики во главе с Боте, Вайцеккером, Гейзенбергом. Очень немногие знают совокупный

результат, который обеспечивают, на первый взгляд, разрозненные лаборатории, причем каждая из них занимается отдельной научной задачей. В Лос-Аламосе всё в одном месте. У нас — повсюду. Это нервнует наших врагов. Однако важно помнить, что в процессе научного исследования нужно пройти определенные этапы, сократить которые невозможно. Нельзя ускорить, например, процесс обогащения урана. Это проблема, ибо мы можем попросту не успеть. Я не сомневаюсь, бомбу мы сделаем. Но в какой военно-политической ситуации к тому моменту окажется Германия? Что будет с технической базой, с ресурсами? Именно поэтому говорить с британцами и их союзниками надо начинать именно сейчас. А аргументом в этом разговоре должна стать урановая бомба германского производства.

Гиммлер подумал и спросил:

— А что там этот ваш отельер? Зачем он?

— Он очень нужен, потому что доверие и желание говорить с нами должно родиться там, у них, как бы само собой. Мы достаточно проявили инициативу, но союзники перекормлены готовностью сдать рейх под скромные дивиденды. Через Хартмана мы рассыпем урановую приманку. Они почуют ее и сами выйдут на диалог.

— Что ж, — Гиммлер надел фуражку, — действуйте, Шелленберг... Кажется, подъезжаем? Какая жара!.. Через месяц вернемся к этому разговору уже на полигоне в Белоруссии. Там и увидим, что это за зверь. Честное слово, до сих пор не понимаю, чем это лучше того же фау?

— Пока ничем. — Шелленберг тоже надел фуражку и поправил рукава кителя. — Но, когда мы доведем бомбу до приемлемых габаритов, именно фау доставит ее по нужному адресу.

— Не забывайте, Шелленберг, — погрозил пальцем Гиммлер, — вкус победы всегда более пресный, чем ее предвкушение.

**Берлин, Шарлоттенбург,
Шиллигерштрассе, 116,
Форшунгсамт,
15 июля**

Данные пеленгации в Нойкельне были отправлены в «Исследовательское управление», которое курировали люфтваффе Геринга, гестапо и абвер одновременно, и распределены по трем главным отделам — в том числе и в 9-е подразделение IV главного отдела, занимавшегося дешифровкой перехваченных радиোগрам славянских стран. Получив сразу девять шифровок, снятых с одной и той же предположительно станции, начальник отдела, подполковник люфтваффе Венцель, сухопарый, седой технар

¹ Навязчивая идея (*лат.*).

с лицом, изрытом оспенными рубцами, позвонил Шольцу, чтобы понять, насколько срочным является данное задание.

— Чрезвычайно срочно, — сказал Шольц и добавил: — Прошу докладывать мне ежедневно. Я не думаю, что речь идет о русских или уж тем более о каких-нибудь югославах, но после «Капеллы» лучше все перепроверить. Как говорят, обварившаяся кошка и холодной воды боится. И еще, Макс, привлеки к этому Кубеля.

Лион Кубель — оперативная кличка Рекс — был одним из тех радистов Треппера, кто согласился на сотрудничество с гестапо. Его, конечно, выпотрошили насчет использовавшихся шифров и кодов. Однако главное осталось за ним — доскональное знание не только тонкостей шифрованных передач Сопротивления, но характера, системы работы подполья с радиоэфиром. Кубель не был раскрыт, ему по-прежнему верили в НКВД, он продолжал действовать как уцелевший агент швейцарского звена «Капеллы», и за это его особо ценили в Форшунгсамт. Ему предоставили свободу передвижения, квартиру, хороший оклад и женщину, которую он мог заменить на новую в любой момент. Понимая свое значение, Кубель обнаглел и даже зарвался. Когда Венцель позвонил ему домой с просьбой прибыть на Шиллигерштрассе, Рекс плавал в чудовищном похмелье, сидя на ковре в прихожей, куда он заполз, чтобы добраться до ванной.

— Нет-нет, — простонал он в трубку, — это совершенно невозможно. У меня сегодня официальный выходной.

— Что значит «невозможно»? — удивился Венцель, по голосу Кубеля догадавшийся, в чем дело.

— Я... недомогаю.

«Ах, вот ты где, проказник, — послышался в трубке веселый женский голосок. — А я жду, жду, когда шалун-дурачок прибежит к своей мамочке».

— Послушайте, Венцель, давайте попозже. У меня тут небольшое дело. Мне надо...

Лицо подполковника налилось багровым гневом. Он медленно поднялся и ледяным голосом отчеканил:

— Даю вам полчаса на то, чтобы собраться, и еще тридцать пять минут, чтобы быть здесь.

— Но-о...

— Если через час и пять минут вы не будете в моем кабинете, ваши присутственные часы навсегда переместятся на Принц-Альбрехтштрассе, восемь.

Через час и пять минут шатающийся, мокрый, сумрачный Кубель стоял перед Венцелем, который, окинув его брезгливым взглядом, как по писаному, отбарабанил:

— Ровно в два, — он постучал пальцем по циферблату, — я жду вас в кабинете аналитической крипто-

графии. У вас есть время, чтобы привести в порядок свой внешний вид и, что более важно, свои мозги. От вас потребуется думать, Кубель, думать. Рекомендую вам вспомнить, как это делается.

Трудно сказать, каких мук и усилий это стоило Кубелю, но в кабинет криптографов он вошел энергичной, деловой походкой, казалось, полный сил и, можно было даже подумать, свежести. Венцель хмуро посмотрел на него и предложил приглашенным сотрудникам сесть. В двух словах он обрисовал задачу, сделав акцент на срочности ее разрешения: на протяжении месяца из одной точки Берлина получены шифрограммы, переданные одной рукой, которые предстоит декодировать. Скорее всего число шифрограмм будет возрастать. Для начала необходимо разобраться с почерком радиста и проанализировать шифры.

— Для этого у нас очень мало времени, — отметил Венцель, — и поэтому особые надежды мы возлагаем на опыт и знания господина Кубеля. Вот он здесь сидит. Прошу всех работать в плотном контакте с ним.

Был составлен план действий. Первым делом решено было протянуть шифрограммы через ондулятор, чтобы по прямоугольным изображениям точек и тире кода Морзе идентифицировать почерк пианиста. Затем с помощью различных табуляторов для сортировки текста и подсчета частоты символов, а также интервалов провести криптоанализ, чтобы отыскать повторяющиеся или стоящие друг от друга на одинаковую величину группы, определить длину ключа, найти гаммы и устойчивые соединения. На основании анализа полученных данных криптографам, и в первую очередь Кубелю, предстояло распознать шифры и по возможности раскрыть коды, которыми пользуется радист. А в идеальном итоге создать автоматические имитаторы его работы.

Венцель больше ничего не сказал Кубелю, но тот чутко уловил дух неподдельной угрозы и решил, пока суд да дело, не дергать за усы дремлющего тигра. По крайней мере в ближайшее время. Поэтому и за работу Рекс взялся с энтузиазмом ухватившей след полицейской ищейки.

**Гросс-Берен, Бранденбург,
19 июля**

На краю Фридерикенхоф, небольшой деревни в окрестностях Гросс-Берена, сохранившей патриархальный уклад старого юнкерского рода фон Беренов, в сельской церкви Святого Мартина месса прошла в присутствии лишь одного посетителя, который скромно просидел на самой дальней скамье возле выхода. В последнее время прихожан становилось